

Абдуфатто Абдусаламов

ЗАПИСКИ ГАСТАРБАЙТЕРА

Абдуфатто Абдуманнонович Абдусаламов
Записки гастарбайтера
Серия «Москва газетная»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63551391
Записки гастарбайтера: 2020
ISBN 978-5-907379-09-1

Аннотация

Люди каждый день пренебрежительно воротят нос от гастарбайтеров. Что тому причина? Сложно сказать. Некоторым вообще свойственно винить в своих проблемах кого-то другого. Чаще всего того, кто отличается. На него проще выпустить злобу, спустить всех собак. Иногда люди забывают, что этот безвольный, как им кажется, мешок для битья тоже человек. Со своими мыслями, чувствами, переживаниями, со своей болью. И со своей нерассказанной историей. «Записки гастарбайтера» – это тихий шепот, срывающийся на крик, человека, который хочет быть частью собственной жизни.

Содержание

Глава первая. Последний подход	5
Глава вторая. Проводы и Сонька-облигация	11
Глава третья. Взгляды на жизнь	17
Глава четвертая. Гасткурьеры	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Абдуфатто
Абдуманнонович
Абдусаламов
Записки гастарбайтера

© Абдуфатто Абдусаламов, 2020

© Общественная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2020

* * *

Любые совпадения являются случайными. Если вдруг кто-нибудь да и узнает себя, это не будет означать, что перед ним его портрет, слишком много чести, но, говорят, на воре шапка горит. Совпадения всего лишь будут доказывать, что проблема существует и имеет не единичный характер.

Глава первая. Последний подход

Бери не силой, а увещанием.

Биант (590–530 до Р.Х.)

Самаркандский медицинский институт. В кабинете декана факультета постоянно много народу. Обстановка деловая. Сколько людей, столько и проблем, как минимум. На деле оказывается, что проблем больше, чем посетителей. Это из-за того, что беда не приходит одна и над каждым посетителем деканата висит неудачное стечение обстоятельств. Раз пропустил студент занятия, значит, на то была серьезная причина. Вот уже две проблемы. Пока не отработает пропуски, нельзя рассчитывать ни на завершение цикла, ни на стипендию. Поэтому по каждому эпизоду пропуска студент посещает деканат. На самом деле, думал в это время декан, решение проблемы пропусков занятий элементарное: нужно всего лишь сделать отработки платными, как в одном из Российских экспериментов, например.

Вот в такой оживленный и насыщенный гениальной идеей момент в кабинет декана зашла, протискиваясь боком в дверной проем, одетая как челюскинцы родительница. Родителей студентов приходится иногда приглашать в деканат, потому что студенты, даже если у них самих уже есть дети, продолжают оставаться детьми. Иногородние студенты в аб-

солютным большинстве не приспособлены к условиям, резко отличающимся от домашних, по крайней мере, первые год-два после зачисления. Студенты, просыпающие занятия по утрам из-за того, что на съемной квартире рано никто не разбудит, завтрак не приготовит, нуждались в серьезной социальной поддержке со стороны тех, кто воспитал их такими неприспособленными к самостоятельности. Показалось декану, что это очередная (хотя из-за того, что протискивается без стука и разрешения, скорее «внеочередная») родительница одного из его студентов.

Но перед ним предстала его однокурсница, Сонька Жабатулина. Встреча была весьма неожиданной и радостной. Основная причина такой неожиданности – с тех пор, когда они виделись в последний раз, прошло уже лет пятнадцать. Тогда она, поссорившись с многими в родном городе, рванула в Россию. Прошло столько лет. В голове декана промелькнул ее поступок, совершенный много лет назад перед самым отъездом. Вела она тогда как инфекционист амбулаторную карту его сына, перенесшего гепатит. Внезапно Жабатулина исчезла, и амбулаторная карточка его сына пропала вместе с нею. Восстановление дубликата карточки было долгим, пришлось ходить по кабинетам. Поликлиническим врачам понадобилось изрядно покопаться в регистрационных журналах, чтобы восстановить все сведения о прививках и результатах обследования.

Время стирает из памяти все отрицательные моменты

жизни. Так было и с переживаниями декана по поводу небрежного отношения Соньки Жабатулиной к карточке его ребенка и, что намного серьезнее, к его здоровью.

Однокурсница отыгралась, вероятно, за то, что с ней не расплатились за ее так называемые услуги. Хотя на самом деле это было ее прямой обязанностью, за которую она вовремя и аккуратно получала зарплату. Привыкла она не только к неотработанной зарплате, но и к мздоимству. Это был «механизм» ее собственного изобретения.

Как же можно представить себе, чтобы один врач совал в карман другому врачу, тем более своей однокурснице, деньги за оформление выписки из истории болезни? Выписку, которую она должна была в окончательном варианте со всеми рекомендациями выдать на руки родителям. Декан быстро переключил внимание на уважаемую гостью, отогнав промелькнувшие мимолетно воспоминания, как назойливую муху. Попытались обняться, как это принято после долгой разлуки, но обхватить ее было невозможно. Раздобрела, заматерела, да и пальто, застегнутое на все пуговицы, предательски выдавало ее крупный живот, хотя по резкости ее движений и нельзя было сказать, что это живот беременной женщины. Время поработало над ней. С хрупкой и нежной Сонькой произошли страшные метаморфозы. Секретарша без слов поняла, что пора заваривать чай или готовить кофе; ожидалась бурные восторженные экскурсии в прошлое со сравнениями и умилениями, разговоры о внуках.

Приехала, как выяснилось, Жабатулина в теперь уже не родной ей город почти три недели назад, на поминки матери в роли знатной иностранки, россиянки. Она решила совместить неприятное с полезным не только в общем смысле, но и в личном тоже. Во что бы то ни стало ей нужно было найти и уговорить любой ценой, всеми правдами и неправдами кого-нибудь из молодых специалистов поехать с ней или хотя бы приехать чуть позже к ней в Н-ск на работу, на должность неонатолога родильного дома. Вакансии были давнишние.

В Самарканде после серии безуспешных предложений с обещаниями заманчивых перспектив, после череды отказов, когда время уже поджимало и заканчивался отпуск за свой счет, Соня Жабатулина решила сыграть ва-банк. Открытым текстом ни один из тех многих коллег, кого она пыталась заманить, не говорил ей, что с кем угодно, на что угодно и куда угодно могут поехать, но только не с ней.

Никто не решался согласиться, как будто это не вакантные рабочие места, а амбразура дзота. В городе Н-ске и прилежащих к нему районах таких, как Александр Матросов, не находилось, никто не решался на такой подвиг. Все знали, что конец будет по известному сценарию и даже без посмертных наград.

Хотя и много лет прошло с тех пор, были еще в памяти сокурсников ее скандальные истории, в которых остались виноваты все, кроме нее. Все специалисты – неучи, и только она могла поставить правильный диагноз, только она могла

установить подключичный катетер и сделать все как положено.

Соньке надо уговорить так, чтобы можно было припахать кого-нибудь, а самой пожить припеваючи, заведую отделением и выгодно ведая теми позициями, которые служат источником нетрудовых доходов. К ним она шла долго и упорно, и через трупики новорожденных тоже. Ей нравилось быть единовластной хозяйкой, которую вызывают на работу в любое время дня и ночи, как девочку по вызову. Однако все тяжелее и тяжелее с каждым годом становилось вставать по ночам и приезжать в роддом на роды с осложнениями или кесарево сечение, особенно после продолжительных вечерних застолий. За это она ненавидела акушеров-гинекологов: их много, а она одна на всех. Эмоциональное вырождение, как коррозия, разъедало ее, однако заметить это можно было только со стороны и только человеку новому. Не желая терпеть выпады с ее стороны за «необоснованные» вызовы из дому, дежурные акушеры-гинекологи старались обходиться без нее. Положение у них незавидное, как между молотом и наковальней. Может нагрубить за то, что вызвали, но может выговорить и за то, что не вызвали.

А сейчас про игру ва-банк...

Из уст Жабатулиной речь шла о хорошей зарплате, ключах от четырехкомнатной квартиры в новом доме, как только будет оформлен прием на работу. Четыре комнаты будут у тебя, уверенно соврала она декану факультета, ссылаясь на

то, что дети разнополые, и тебе, как доктору наук, положена расширенная жилплощадь. Пришлось ее поправить, сказав, что еще до защиты докторской надо поработать и необязательно всем быть докторами наук. Было тут же отпарировано, что в России защититься тебе будет легче. Лишь бы диссертация была на русском. Пропустят любые шизобредни. От шизобредней стало декану не по себе, потому что тема, над которой он увлеченно работал, очень актуальная и настолько новая, что еще даже не решился вопрос с дисциплиной, по которой предстоит эта защита. Работа посвящена защите прав пациентов. Таких исследований еще не было, а если и были, то не так уж и много. «Шизобредни» применительно к его работе переносятся им тяжелее, чем, например, публичная пощечина. Однако, сделав скидку на отдаленность Жабатулиной от научной деятельности как во времени, так и в пространстве, декан снисходительно отнесся к пренебрежительному и дилетантскому отношению к медицинской науке.

Вначале было все корректно, коллегиально и дружелюбно. Вежливо, учтиво. Дело в том, что кроме не очень престижных видов работ, есть еще профессии, в которых в России не хватает специалистов. В глубинку никто ехать не хочет. Даже если жилплощадь предоставляется. Да какая там глубинка? Город ведь цивилизованный, промышленный. Врачей не хватает. Работать некому. Дежурить некому. Вот и вышла из этой ситуации наша предприимчивая особа...

Глава вторая. Проводы и Сонька-облигация

В Самаркандском аэропорту собралось много друзей и знакомых, как на похоронах знатного человека. Соответственно ситуации, все были расстроены. Сестры трудового мигранта не могли сдерживать слезы. Братья пребывали в задумчивости и умело скрывали эмоции. Один из друзей, самых близких, надеялся заглушить горечь расставания сотней-другой граммов водки. Бутылка с подходящим для случая названием «Строгая» ждала в служебной машине. Для врачебной работы это все равно что аптечка в машине. Редко кто из водителей приходит к мысли об использовании при необходимости этой самой аптечки. Основная доминанта, из-за которой аптечка всегда хранится в машине и остается неисчерпаемой, – возможная придирка со стороны дошного инспектора ГАИ с радаром, направленным на тебя как автомат Калашникова. Попробуй не остановись. Дороже будет. Лучше уж сразу заплатить ему что-нибудь, второй раз, как правило, гаишники не останавливают: город-то не такой уж большой, приходится встречаться лицом к лицу на свадьбах и похоронах.

Некоторые из провожающих были убеждены в том, что наш друг просто устал, давно не был в отпуске, отдохнет и

вернется. Они находились, как показало время, ближе всех к истине. Все-таки не зря же наши доблестные профсоюзы придумали защищать право трудящихся на ежегодный трудовой отпуск фиксированной продолжительности, а некоторые профсоюзы и всякие там лиги защиты прав потребителей, пошли еще дальше. Один из друзей даже точно спрогнозировал сроки возвращения блудного сына. Прогноз подтвердился. Все, что было до этого возвращения, изложено здесь. Почти все. Мелкие подробности и повторы читателя раздражают, да и предметом излишних расспросов могут стать, что явно к добру не приведет, но что поделаешь...

Обещания, подкрепленные гарантиями насчет трудоустройства супруги, определения дочери в школу, перевода сына в университет на тот же курс сработали. Клиент (декан, значит) дрогнул. Главное, считала наша вербовщица, связаться в бой, а там будет видно. Сработало. Не возникло у него при этом подозрений насчет той легкости, с которой можно будет защитить в России диссертацию. А что же Жабатулина сама тогда не защитилась, если это так легко делается? Но такой вопрос тогда не возник. Манили перспективы. Холодное, трезвое, взвешенное обдумывание всех «за» и «против» Соньке мастерски удалось отодвинуть на задний план, на потом. Из нее мог бы получиться талантливый делец по торговле людьми. Видимо, Жабатулина и не подозревала, к счастью потенциальных жертв, о своих гипнотических и мошеннических талантах. А декан оказался не умен и не

осмотрителен, не смог даже заподозрить беду, пока она не пришла. Он даже не догадывался, что когда-то ему придется стать храбрым из-за отсутствия способностей к прогнозированию и героически преодолевать проблемы, созданные им самим. Такой малости не хватило (ума!), но эта малость на самом деле – самое великое, заключающееся в самом малом – здоровый ум в теле человека. Другое дело, если бы принятие такого заманчивого предложения было бы неизбежностью, с которой и Боги не спорят, сыр-то ведь бесплатным бывает только в мышеловке, но об этом каждая мышка узнает на личном, а не на чужом опыте.

Жабатулина была приглашена деканом домой на ужин. Такие серьезные вопросы надо решать с супругой, тещей, дедом, сыном, дочерью, братьями, сестрами и не забыть при этом про мнение собаки тоже. Домашнее животное – это как член семьи. Сколько проблем возникает у людей только вокруг того, что во время отпуска или командировки нужно кому-то доверить любимую кошку или собаку, кому-то оставить ключи от квартиры, чтобы с собакой погуляли и цветы полили. Красавица стройная немецкая овчарка по кличке Моника, разве она перенесет разлуку?

Стол был накрыт в честь иностранной гостьи шикарный, по её оценкам. На самом деле это был обычный ужин в этом доме. Просто теща у декана – настоящий повар, кулинар и кудесница.

Нахваливая плов, новоиспеченная россиянка среднеази-

атского разлива подчеркнула, что у них, в городе Н-ске, на рынке можно купить все, что здесь имеется на базаре. Будет работа, будут хорошие деньги – все можно купить. И Москва близко. Рукой подать, сказала она, засучив над столом рукава. Кушала она с аппетитом, по-азиатски, как мужчины у нас едят. Только вот чуть слышно было, как вставные челюсти клацали. Наверное, самой не слышно, а может, и привыкла уже. Помянули за столом и матушку Соньки Жабатулиной. До погребенья никого нельзя считать счастливым. Сонька ударилась в воспоминания о матери, из которых чувствовалось, что внимания при жизни ей не было. Но весь этот дефицит внимания был отнесен на тяжелые годы перестройки, переселения и перепрофилирования. Незаметно так и мама ушла из жизни. Жила мама у сестры Жабатулиной в Булунгуре. Судя по тому, что Жабатулина остановилась не в районе, у сестры дома, а в городе, у золовки, можно было догадываться, что что-то они не поделили. Дело это житейское – раздел имущества после смерти родителей. Жабатулина претендовала на мамино кольцо с бриллианчиком и сережки в комплекте с браслетами, хранившимися в ее сундучке. А сестра, стерва, все спрятала и сказала, что все это было давно продано на лекарства для мамы. Поездка Сонькина не окупалась, но ничего не поделаешь. Родственники как сговорились, объединившись, талдонили об одном и том же, что последние годы мама тяжело болела, за ней нужен был уход, нужны были дорогостоящие лекарства и химиоте-

рапия. Химия-то ведь дорогая, потому как привозная. А без химии и лучевая терапия не сбережет считанные оставшиеся месяцы. А сколько проблем было с обезболивающими препаратами. Наркотические обезболивающие лимитированы. Чтобы доказать целесообразность их применения нужны знакомства среди врачей. А Жабатулину никто из врачей и не мог вспомнить добрым словом, чтобы по старой памяти хотя бы помочь чем-нибудь. После погребенья о матушке Жабатулиной нельзя было сказать, что она прожила счастливую жизнь. Про таких усопших принято говорить: «Отмучилась бедняжка...»

Декану, мастерски владеющему методами дедукции, тогда и в голову не пришло спросить: если все так хорошо у вас там, в городе Н-ске, то почему столько вакансий и так долго они не закрываются? Сработал отточенный психологический расчет, и на этот раз Жабатулиной удалось запудрить ему мозги, декан уже не смог все обдумать со свойственной ему обстоятельностью и логикой, он находился примерно в таком состоянии, которое наступает от воздействия нервно-паралитического яда. Продолжение разговора состоялось в семейном кругу – оно было долгим. Речь шла об одном и том же, но заверения уже звучали так, что в них потихоньку стала верить и сама Жабатулина. Зря что ли она мужу своему говорит каждый раз, что ей от бабки, которая в Булунгуре, достался дар экстрасенса. Муж, правда, отшучивался всегда тем, что бабка у нее не экстрасенс, а обыкновенная аферист-

ка, но тоже постепенно начинал привыкаться с этой мыслью.

Глава третья. Взгляды на жизнь

Для хорошего врача нет праздников и нет гарантированного отдыха. Жабатулина считала себя хорошим врачом, поэтому запланировала и в это лето поездку в Абхазию. Там хорошо отдыхать. Гостеприимный народ, люди вежливые и добрые. Но наслаждаться добротой и вежливостью можно будет только в одном случае, если будет, кого оставить на время отпуска вместо себя, но только на время. Был случай, когда Хрущев отдыхал, и отдых этот ему пролонгировали на веки. Истинно велик тот человек, который сумел овладеть своим временем. Жабатулиной осталось совсем мало до достижения истинного величия. Подмяла под себя специалиста с ученой степенью и ответственными должностями, с государственными наградами. Вот что значит умный организатор и руководитель, думала о себе Жабатулина и уже представляла, как она утрет носы этим рукоблудам – так она называла акушеров-гинекологов.

Прошлым летом её отдых чуть было не прервали. Работать некому. Четыре ставки в родильном доме и ни одного, кроме нее, врача-неонатолога. Не идут люди к ней на работу из-за ее неуживчивого характера. Одна числится, правда, но с нее как с гуся вода. Ходит на работу как на праздник. Не часто ходит. Чаще бывает на больничном. Как только Жабатулина нагрубит ей, она и пускает в ход отработанный за-

щитный механизм в виде ухода по болезни. В тот отпуск так и произошло, как только Жабатулина уехала, та взяла и ушла на больничный.

С Жабатулиной они пришли в роддом почти вместе. Эта с юга, та с севера. Заработав себе на севере хорошую пенсию, будучи обеспеченной и не нуждавшейся ни в чем, но при этом, не пользуясь связями своего браталетчика-космонавта, она не имела целью заработать все деньги в городе Н-ск. Ей всего, что у нее есть, хватает. Работать она хотела для души, тяжело же без общения. Южанка стала душить. Душить медленно, методично, со стороны не заметишь. Вот так и «уживаются» Сонька – жена летчика и сестра летчика-космонавта. Сестра ценила покой больше, чем все остальное, знала, что опрометчивость опасна, а корысть мерзостна. Этому научилась она еще в раннем детстве от своей прабабушки, которая нянчила их, рассказывала сказки.

Подставляя по поводу и особенно без повода, Жабатулина со временем дискредитовала ее перед администрацией до такой степени, что и у тогдашнего главного врача появились сомнения в подлинности диплома северянки. Главному врачу, Майоровой, доблестно прошедшей путь от санитарки до пенсионерки, не могла и в голову прийти мысль о том, что где-то на севере ректор медицинского института скатится до такой мелочи, как торговля дипломами. С северным коэффициентом, премиями и надбавками любой северянин мог позволить себе домик на южном курорте. Свою репутацию

фальсификацией документов северяне не будут пачкать. Не могли у нее возникнуть сомнения и по поводу такой странной метаморфозы с врачом, которая на юге была инфекционистом, а в городе Н-ск вдруг стала неонатологом. На юге, Майорова была уверена, тоже нет места фальсификации удостоверений о присвоении квалификаций и категорий. Ошибалась Майорова и, так и не поведав истины из-за своей доверчивости, достойно ушла на пенсию.

Со сменой руководства Жабатулиной не стоило уже особого труда сместить свою предшественницу и заступить на должность заведующей отделением. На этой должности она реализовала все то, что было наработано по крупнякам на старом месте. Там все было по мелочам, подумаете, мертвые души завелись в поликлинике. А здесь можно и ключи от квартиры получить, тогда все деньги от проданного дома останутся у нее на сберегательной книжечке. Как она любит эту книжечку свою, как ей приятно ее перечитывать или даже просто перелистывать! В этой маленькой книжечке отражен весь ее большой путь от худенькой и щупленькой абитуриентки до солидной, почти всему городу Н-ску известной дамы за рулем «Шевроле». В городе родильный дом единственный. И поэтому, хотят того или нет жители, рано или поздно оказываются в ситуации, когда знакомство с Жабатулиной неизбежно.

Пришло время познакомить читателя с героиней поближе. Назовем пару раз ее не Сонькой, а Сонькой-облигацией.

Потому что в ее обещания мог поверить только тот, кто верит в выигрыши денежно-вещевых облигаций. Пригласила в Россию жить и работать своего коллегу, однокурсника из-за границы. Штуку баксами пообещала в месяц на старте. А потом и до полутора можно рассчитывать. А прописка? Будет тебе и прописка! Сделаю, у меня там все схвачено. А жилье? Скажу главврачу, она у нас депутат, сделает, я пользуюсь у нее авторитетом! А для жены работа? И про неё скажу главврачу, она возьмет! А насчет дочери как, она школьница? Я с Райкой и Светкой поговорю, они в школе работают, быстренько организуют. И будет дочка твоя школу заканчивать, сдаст ЕГЭ и документы подаст в любой престижный вуз или сразу в несколько, чтобы потом после зачисления было из чего выбирать. Пройдет на автомате. А как же насчет сына? Он ведь студент медицинского. Здорово! Переведем в университет. Там есть медицинский факультет. На педфак? Там есть педфак (потом выяснится, что педиатрического факультета никогда там и не было). Ужин удался на славу. Все пожелания и планы были подкреплены признательными тостами разной продолжительности с каскадным нарастанием чувства умиления в адрес спасительницы Жабатулиной. Живут же люди. Водка была русская, правда изготовленная в местных подвалах.

– Местная русская, а там, – сказала Жабатулина, – и водка настоящая, российская. Кто не рискует, шампанского не пьет. Людям, решившимся действовать, обыкновенно выпа-

дают удачи; напротив, они, эти удачи, редко удаются людям, которые только и занимаются тем, что взвешивают и медлят, так думал и потерявший чувство самосохранения декан, отличавшийся благоразумием и не подозревавший тогда, что мечты о приятном могут воплотиться в самую неприятную реальность.

Сонька была усидчивой и упорненькой в студенческие годы. Брала зубрежкой, логическим мышлением боженька одарить ее подзабыл, то ли торопился, то ли был в цейтноте из-за нарастающей в те годы волны рождаемости. Тогда сельчанки с гордостью носили на груди медали за материнство. Был даже случай, когда один борец за равноправие мужчин и женщин носил на груди вместо жены ее медаль за материнство. Наблюдательность помогла Жабатулиной найти способ не противозаконно и почти легально зарабатывать деньги уже будучи начинающим врачом. Умница такая, никому до этого и в голову, наверное, не могло прийти, что работу можно так поставить, что деньги, отовсюду, как ручейки, потекут сами. Вот и был в ее тогда небогатом арсенале один прием, благодаря которому она не упускала ни единого случая заработать. Все гениально просто. Она всего лишь чуть-чуть задерживала оформление выписки. Родители, счастливые от того, что ребенок поправился, забыв про все на свете, быстрее уходят домой, подальше от больницы, запаха лекарств, вида белых халатов и, самое страшное для ребенка, многочасовых капельниц. Тогда доказательной медицины ни в этих

краях, ни в других не было и в помине. Потому и лечила всех больных врач Жабатулина совершенно одинаково. Как теперь сказали бы, в соответствие со стандартами тех времен. Это была одна и та же трафаретная по составу капельница, ставшая до автоматизма привычной для медсестер. Жабатулину это не волновало. Не волнует ее теперь и то, что гемодез, который она капала всем подряд, снят с арсенала врача. Ее волновал конечный результат. А результат был стабильный. Большинство детей выздоравливало. Главную роль здесь играла выписка. Для кого выписка – это просто бумажка, а для кого-то – кормушка.

После выписки из детской инфекционной больницы у родителей начинаются проблемы в детском саду или школе. Не допускают ребенка после перенесенного инфекционного заболевания в детский коллектив до тех пор, пока не будет представлена выписка для поликлинического врача, в которой черным по белому будет написано, что в группу детей допускается. Родители-то об этом вначале не знают. Чаще всего это бывает, когда ребенок болен впервые. Наивные претензии, не является ли это обязанностью выписывающего врача, не принимаются. Приходится возвращаться в больницу, ждать лечащего врача. Она занята. На робкие попытки медсестер намекнуть насчет того, что родители, приехавшие из района, ждут выписку, которую не забрали, следует назидательное: «Им надо, пусть и подождут!». У доктора оказывается в этот момент тысяча самых наипервостепеннейших,

архиважных и неотложных дел, ей просто некогда заниматься какими-то там посетителями.

Наконец, замученные посетители, дождавшись и выловив ее у ординаторской, просят отдать им выписку. Здесь она включает свой отточенный из-за многократных повторов коронный номер, по эффективности сравнимый с опасной бритвой в виртуозных руках старого парикмахера, который и ходит-то еле-еле, но как только в его руках оказывается инструмент, выражение лица становится серьезным до неузнаваемости.

Навскидку называет фамилию и имя бывшего пациента, дату выписки и еще какие-нибудь детали. Для окружающих это выглядит очень эффектно. Какая память! Какой внимательный доктор! После наносится окончательный удар: «А что же вы так торопились, что даже выписку не забрали? Или вы боялись, что надо будет отблагодарить доктора?» И, естественно, клиент созревает. Тут уже не идет в оправдание, что про выписку им медсестра сказала: «Потом заберете, у доктора». Доктор Жабатулина льет ушат грязи на медсестру, естественно, в ее отсутствие, ошарашенные родители убеждаются в том, что медсестра своими безответственными действиями и заявлениями роняет ее высокий врачебный авторитет, а выписка давно была готова.

С уходом посетителей в карманном блокнотике Жабатулиной аккуратно вычеркивалась фамилия очередной жертвы.

Из черного списка Жабатулиной приходилось вычеркивать не только фамилии тех, кто хоть и поздно, но пришел за выпиской. С досадой приходилось вымарывать бесперспективных пациентов, которые состоят в прямом или косвенном родстве к сотрудникам больницы, где она работает, а также всех тех, с кого опасно брать деньги за лечение. Самой Жабатулиной было все равно, за что брать деньги – за лечение или излечение. Природное, почти звериное интуитивное чутье позволяло ей вынюхивать родственную принадлежность пациента к работникам прокуратур, санэпидстанций, милиции, суда, налоговой инспекции. Развелось этих контролирующих и карающих инстанций, что работать нормально не дают хорошему врачу. С них купоны стригла Жабатулина другими, особенными методами, чтобы комар не смог и носа подточить. Методика по отношению к такому контингенту клиентов заключалась в чрезмерно повышенном внимании, что позволяло создать имидж чрезвычайно вдумчивого и очень внимательного, грамотного специалиста. В доверительной беседе с работником прокуратуры, например, «нечаянно» выдав блок информации о полной безграмотности того или иного специалиста, Жабатулина сравнивала имеющиеся традиционные и общепринятые методы лечения с «новыми», до которых она уже давно дошла, а остальным еще далековато. Вот только одна небольшая проблема: такого препарата нет пока в арсенале учреждения, но его уже можно достать в столице. Прокурор, пользуясь телефонным правом,

максимум через два звена в цепочке звонков на следующий же день обеспечивает доставку «сверхценного и нового препарата» по назначению. Ему, опытному специалисту в криминалистических исследованиях, и в голову не приходит, что это одна из разновидностей Жабатулинского лохотрона, в результате которого она приобретает дешевый авторитет. Дешевый, потому как пациент в любом случае запрограммирован на излечение. Для доступности изложения и легкости восприятия уважаемым читателем возьмем такой пример, когда у больного респираторная вирусная инфекция. Известно, что, поболевав недельку, больной поправляется. А если начать его лечить, то он поправляется за семь дней. Известно не так уж много неизлечимых болезней по сравнению со всем огромным количеством заболеваний человека, которые классифицируются, и периодически эти международные классификации пересматриваются. Сейчас уже вся страна работает по классификации X пересмотра. Злокачественные опухоли, например. Да и то современные возможности химиотерапии и лучевой терапии позволяют смягчить страх скорой смерти до такой степени, что больной успевает смириться с мыслью о предстоящей кончине. По этому поводу один из наших преподавателей детской хирургии, участник Великой отечественной войны, ныне покойный Дудоров Н. Е. говорил, что иногда не так важно, какая болезнь у ребенка, важнее, у чьего ребенка эта болезнь.

Мастерски научилась Жабатулина пользоваться момен-

том во время доверительных и конфиденциальных бесед с влиятельными людьми, которым ничего не жалко ради близкого человека. Им не жалко было тратить и время свое драгоценное, тем более производственное, возможно, еще более драгоценное, на то, чтобы навестить родственника и, естественно, поговорить не с лечащим врачом, а с самим заведующим отделением. Заведующая умница, терпеливая, умеющая ждать, настоящий позиционный игрок, из нее гроссмейстер шахматный мог бы получиться, если бы не заплыли жиром мозги. Она хорошо усвоила, что на прием ни к одному из этих влиятельных фигур в обычной жизни она не попадет, но будет ситуация, и они сами к ней придут, будут готовы слушать ее столько, сколько ее душе угодно. Вот тогда и вила она из них веревки. Веревки получались разной длины. Это была идеальная возможность очернить своих коллег, неугодных и вошедших в ее черные списки, можно было, например, связать ухудшение состояния больного с тем, что дежурил именно этот негодный врач. Кому докажешь, что «после чьего-то дежурства» еще не означает «от этого дежурства». Но малюсенькое зерно недоверия посеяно, раз Жабатулина смогла заметить неграмотный подход дежурного врача к заслуживающему внимания больному, значит, она опытнее, клинически и логически мыслит, она более чуткая.

Чуткий врач Жабатулина могла и выписать иного больного досрочно, чтобы место драгоценное не занимал, можно и в амбулаторных условиях долечиться, тем более проблемы с

платежеспособностью у них на лицо. Пусть лучше не тратятся на транспорт, приезжая из района каждый день, что же с них возьмешь? Вот народ! Еще жалуется на тяжелую жизнь, не продать ли ему корову, спрашивает, с надеждой так, а может, дескать, обойдется? Ну конечно обойдется, поезжайте ради бога к себе в кишлак и делайте там что хотите, тот, кто хотел бы вылечиться, не спрашивал бы, продать или не продать корову. На чувствах хотят сыграть, знаем мы таких, нас теперь не разжалобишь. Кому сейчас легко, все хотят хорошо жить. Раз вам корова ваша ближе, раз не хотите врача отблагодарить, то лечитесь у себя в районе. Даром захотели! В конце концов, у ваших районных врачей такие же дипломы, как и у меня, что я вам здесь, козел отпущения, что ли? Ой, как тяжело с этими кишлачными работать, они никак не поймут, что хороший врач, такой как Жабатулина, – штучный товар, интеллект ее не могут оценить, но в город к ней в стационар рвутся, как будто медом здесь намазано. Еще и про клятву Гиппократов могут напомнить, а в ней черным по белому, хоть и в самом конце клятвы, написано: «Обязуюсь лечить даром, т. е. тех, у кого нет страховки», – звучало бы теперь. Но Жабатулина об этом не знала, она спинным мозгом чувствовала, что это должно быть именно так, за мзду. Вместо клятвы Гиппократов она, как и все советские выпускники медицинских институтов, давала Присягу врача Советского Союза, штампик в ее дипломе есть об этом. Из текста Присяги сведения о платности медицинских услуг

были исключены цензурой. В Конституции страны было написано о бесплатном доступе к квалифицированным медицинским услугам независимо от любых признаков индивида, в том числе и от места проживания. Дискриминации пациентов на бумаге не было, она была в отдельно взятых эпизодах, которые сливались между собой в сплошное пятно, как сливная крапивница, и подводили общество к отеку Квинке, анафилактическому шоку. О синдроме эмоционального вырождения на почве профессиональной деятельности среди врачей в те времена еще не знали, хотя и сейчас трудно представить, что врач, человек в белом халате, может равнодушно относиться к человеческим страданиям, может спокойно принимать пищу у себя в кабинете в рабочее время, зная, что в этот момент его ждут в родильном зале, где на свет появляется новый гражданин страны, имеющий право на жизнь. Подождут, зря что ли она дрессировала этих акушеров, чтобы правила безопасного материнства соблюдали. Случится что-нибудь с ребенком, Жабатулина сможет доказать, что виноваты они сами, зря что ли патологоанатом ее друг.

Жалко, конечно, что был среди этих азиатов и неучей один, который с Нуратинских гор спустился и отличался любознательностью. Из-за него Жабатулину сняли в свое время с заведования отделением реаниматологии. Этот Турсун Бобоевич не раз ей настроение портил. Однажды он обратил внимание на то, что у Жабатулиной во время дежурства ре-

бенок умер не от ОКИ, а от болевого шока и ожогов: грелка, наполненная кипятком с плохо закрытой крышкой, протекла на его ножки. Жабатулина так здорово придумала насчет того, что это не ожоги, а трупные пятна, договорилась уже и с патологоанатомом, продажной душой, а этот упрямец, спустившийся с гор, никак не соглашается с ее гениальной версией. Возражает еще, мол, если не установит ожоги патологоанатом, то опыт судмедэкспертов позволит справиться с этой пустяковой задачей за считанные секунды. Даже главный врач не смог тогда повлиять на Турсуна Бобоевича, он так и настоял на своем. А такое не проходит бесследно, вот и накопилось негатива столько, что ее сняли с заведования отделением.

Второй раз подмочил ее репутацию Турсун Бобоевич, когда пришел в ее отделение консультировать сложного больного как ассистент кафедры, взял да и поменял ее диагноз. Вот нахал, поменять диагноз самой Жабатулиной, которая заведует отделением, что-что, но этого она не могла ему простить! Вызвала на консультацию супруга своей подружки Альфии, тоже ассистента кафедры. Поговорила по телефону на татарском языке, чтобы эти не догнали, о чем речь, и все уладила. Приехал солидный сотрудник кафедры, человек в возрасте, и подтвердил диагноз Жабатулиной. Конечно, куда им всем, этим горным жителям, до диагностики пневмонии у ребенка. Хрипы-то слышит Жабатулина лучше, чем любой из них. Да и слух у нее музыкальный. Зря, что ли, внучка те-

перь ходит в музыкалку, это все наследственная одаренность по бабушкиной линии из Булунгура. Как она ликовала, когда Турсун Бобоевич был вынужден согласиться с мнением маститого ученого. Как она наслаждалась тем, что выглядел он в тот момент так понуро, что собака побитая смотрелась бы более достойно, чем он. Знай наших, выскочка. Но проходит буквально один день, и эта понурая собака заявляется к ней в отделение со своей группой студентов, которые, как рой, пчел облепили именно этого ребенка, слушают и слушают его легкие. А мама, вместо того, чтобы цыкнуть на них, дура такая, услужливо поворачивает и поворачивает свое чадо, то спинку подставит, то грудь, чтобы все до единого его послушали. Подошла Жабатулина поближе, желая послушать, как молодой ассистент перед студентами признается в своей диагностической ошибке, как он прозевал пневмонию у ребенка. Самый момент вставить словечко-другое, как бы между прочим, и заявить о себе студентам, чтобы знали, какое ничтожество им преподает. Подошла поближе и глазам, точнее ушам, своим не поверила. Этот упрямый горец продолжал настаивать на своем. Настаивал он, что у ребенка никакая не пневмония, а сальмонеллез с сольдефицитной формой обезвоживания. Он диктовал студентам, которые, как олухи, всю эту ересь записывали, да еще одна из них переспрашивала, в очках которая, буквально каждое слово. Где же коллегиальность тут, где же субординация, как же это так? Турсун Бобоевич подставляет себя под удар, сомневаясь в правоте

более опытного консультанта и отвергая его диагноз. Жаль, что сегодня суббота, подумала Жабатулина, у маститого консультанта суббота – это святое. По субботам он пораньше уходит с работы, чтобы тещу навестить, она ему чебуреков накидает, водочки на рябинушке на стол поставит, баньку горяченькую приготовит. Не жизнь, а малина. А на следующее утро молочко парное в кринке, сметана, сливки, чак-чак, чай с олень-травой. И день воскресный так быстро проходит, что и не заметишь, как возвращаться в город пора из тихого райского поселения возле речки Булунгурки. Ничего, завтра тоже будет день, думала Жабатулина. Может быть, даже и лучше, чтобы не портить ему и подруге уикэнд. Выйдет в понедельник на работу свеженький, отдохнувший, она ему шепнет незадолго до пятиминутки кое-что на ухо, и он растерзает прилюдно этого молодого щенка Турсуна Бобоевича. Ай да моська, держись в понедельник.

В понедельник все так и случилось. Турсун Бобоевич был как в угол загнанный, молчал, крыть на пятиминутке было нечем. Доводы маститого ассистента, один за другим сыпавшиеся с начинкой из солидных цитат, напоминали бильярдные шары, залетающие в лузу от точного, короткого и сильного удара мастера. Наступила тишина. Только мух слышно было в зале, они давно уже чувствовали себя как хозяева, но их никто никогда не замечал, свыклись все. Профессор, председательствовавший на утренней конференции, поправил огромный узел желтого галстука под халатом, встал с ме-

ста, тишина сделалась еще более зловещей. Турсун Бобоевич не выдержал. Он тоже встал с места, тоже почему-то поправил жиденький узел галстука и, кашлянув, сказал: «Давайте, посмотрим результаты бактериологического посева, которые уже несут». Действительно в зал вошла врач-лаборант, сказала, что ей по телефону было поручено доставить результаты анализа прямо на утреннюю конференцию. Результаты говорили, что у ребенка из кала высеялось сразу два штамма микроорганизмов, один из которых вызывает тиф у мышей, а другой – чуму у свиней. Пневмонии у пациента не оказалось. Хрипы, которые «слышали» Жабатулина и муж ее подруги, куда-то вдруг исчезли, как только была завершена суточная инфузионная программа. Если бы это была пневмония, хрипы бы остались, мало того, в результате инфузионной терапии их должно было стать еще больше. Профессор прокомментировал этот случай для студентов и молодых специалистов. Можно смотреть, но не увидеть, можно слушать и даже хрипы над легкими услышать, но еще нужно правильно эту информацию интерпретировать, а для этого необходимо клиническое мышление. После конференции, когда все высыпали из зала, Турсун Бобоевич затянулся в сторонке сигаретным дымом, выпустил его колечками, помолчал, а потом сказал, что месть – это блюдо, которое нужно подавать в холодном виде.

После этого случая Жабатулина сделала для себя единственно правильный вывод: последовать совету профессо-

ра; чтобы быть хорошим специалистом, надо больше читать. Но профессор тоже ошибался, советуя Жабатулиной читать именно больше. Ему следовало сказать, что надо читать хоть что-то. Он же не знал, что в его коллективе есть и такие работники, которым вовсе некогда читать не то что по инфекциям, даже газету взять в руки. Кроме, конечно, тех минут, которые Жабатулина проводила на унитазе. Вывод Жабатулина сделала для себя твердый: она непременно должна защитить кандидатскую, чтобы утереть им всем носы. Прошло несколько месяцев, диссертация по дифференциальной диагностике типов обезвоживания была успешно защищена, но не ею. Публикация по теме диссертации даже была в журнале «Педиатрия», куда не каждый москвич мог пройти. Одних только мединститутов было тогда более восьмидесяти на всю страну, где соискателей и аспирантов водилось больше, чем надо. У нас всего тогда хватало с избытком, этого добра тоже. Соискателем был Турсун Бобоевич. Прошло лет пятнадцать. Жабатулина остыла к идее утереть кому-либо нос. Зачем заниматься наукой, когда практический опыт, приобретенный ею, уже начал работать на нее? Все страшное позади, в том числе смерти, которые так часто наступали в ее отделении. Зато теперь она с любым патологоанатомом общий язык найдет. Ведь не зря говорят про морг, что здесь мертвые помогают живым. Не всем живым, а только тем, которые здесь, в морге. Живые из морга тоже хотят есть, пить, особенно пить. С этим у Жабатулиной проблем не было. Доста-

точно было с самого первого дня заведования в городе «Н-ск» взять в свои руки контроль над выпиской. При предыдущей заведующей складывалось впечатление, что выписка происходила помимо ее воли и сознания, так себе, самотеком и автоматически, как часы швейцарские самозаводные. А теперь с каждого выписного что-то депонируется в кабинете Жабатулиной. Обычно это фрукты, коробки с шоколадными конфетами, спиртное. Кабинет у нее такой уютненький. В любое время ей можно прилечь, радио послушать, телевизор собирается поставить, чем она хуже других заведующих? Вот только шкаф надо переставить, чтобы, как только заходишь в кабинет, не было видно дивана. Пыли, конечно, будет много, особенно на шкафу. Пару месяцев назад экспроприировала она в кабинете ЛФК шар надувной, метровый, все не доходят руки надуть его и начать заниматься собственной фигурой. Да и надувать-то особенно не надо тужиться, насос к этому шару прилагается электрический. Вот если бы время растягивалось, как шар надувной, было бы здорово. Уже совсем «ошарела», дальше некуда, дышать иногда трудно, особенно после обильного ужина. Книжные полки есть у всех других заведующих, а ей они и не нужны. Зачем пыль заводить, итак ее хватает. Вон, на той неделе как расчихалась. Это они пусть книжки там всякие читают. Ей достаточно одного двухтомника «Неонатологии» Шабалова. Он, кстати, где-то за пластиковыми банками и коробочками в шкафу затерся. Надо бы его хотя бы на подоконник пере-

ложить. Там обо всем хорошо написано. Нужно просто открыть нужное место и переписать в историю развития новорожденного в качестве дневниковой записи.

Почему же последовала целая серия отказов на столь заманчивое предложение, Жабатулина недоумевала. Ведь предложение действительно заманчивое. Все дело было в том, что отказавшиеся сталкивались с вербовщицей не так давно, в отличие ее однокурсника, и, что еще важнее для них, лицом к лицу. Второй раз на одни те же грабли обычно не наступают. Они хорошо освоились с такой ее чертой характера, какая была разве что у Сталина. Постоянный поиск виноватых, на кого можно было бы все свалить. Так достигается инстинктивное снятие с себя ответственности. В коллективе все ее сторонились, избегали конфликтов, зная склочный и мстительный характер. Думали, что лучше не наступать на... Особенно хорошо знала об опасности связываться с Жабатулиной ее самая близкая тогда подруга, Халида. Чтобы отвязаться от назойливых уговоров ехать неизвестно куда и неизвестно за чем, Халида отодвинулась от Жабатулиной на такое приличное расстояние, чтобы до нее не долетали брызги слюны собеседницы и, сославшись на срочные дела, отложила встречу на завтра. А на завтра у Халиды была запланирована командировка в Ташкент, ее ждала встреча с коллегами на конференции по вакцинам и сывороткам, культурная программа и хорошее материальное вознаграждение, не считая большого пакета раздаточного ма-

териала, памятных сувениров и, что теперь немаловажно, сертификата. Дело, над которым работала Халида, новое и полезное во всех отношениях. Она занимается вакцинацией детей и взрослых на коммерческой основе. Каждому ясно, что профилактика дешевле, чем лечение. Родители, которые очень любят своих чад и себя тоже, охотно прививаются всеми официальными новинками высокого качества. Халида как эрудированный врач пользуется заслуженным успехом в своем не маленьком и древнем городе. Возможно, за долголетний и плодотворный труд на благо подрастающего поколения ее кандидатура скоро будет представлена к награде по случаю Дня медицинского работника или Праздника независимости. А тут тебе предлагают все бросить и ехать к Жабатулиной под ее подчинение. Мы это уже проходили, нас не заманите. Ищите себе простачков где-нибудь поближе, там, у себя, а то импортных решила завести, тоже нам, вербовщица.

Хорошо, что эти сволочи не унюхали тогда насчет ее «операций» с циркулированием медикаментов. Она же психологию знает. В тот момент, когда ребенку в больнице плохо, родители на все готовы, лишь бы поправились сын или дочь. Вот этот момент состояния и есть для нее момент благосостояния. Как только начнут приставать со своими дурацкими расспросами о самочувствии ребенка, о диагнозе, об исходе, нужно сделать то, что она и называла операцией по циркуляции. Суть такова: в беседе с родителями ребенка, находяще-

гося в реанимационном отделении, всем заказывается один и тот же дорогостоящий препарат, например, Цитохром, Кортексин. Расшибутся, но достанут. А кто из них видит, что ребенок получает, а что ему просто в историю болезни вписывают? За дежурство накапливается по коробочке того и другого, как минимум, нужно теперь за полцены сдать своей подружке, которая работает в аптеке. И ей хорошо, и Жабатулиной дополнительная статейка доходов. Чуть медленнее накапливается десяток-другой игл-бабочек, которые тоже недешево стоят. Плюс еще катетер подключичный. Родители-то не знают, что она может обойтись одним катетером, а разочек-другой можно и намекнуть, что катетер пора заменить, нельзя же его так долго держать, одноразовый все-таки.

Хуже ситуация, когда попадаете среди всех кишлачных детей какой-нибудь ребенок врачей или власть имущих. Эти знают свои права, а Жабатулина – их возможности. С них уже навару не будет, как и с тех, кого под личный контроль берет сам главный врач. Думаете, так легко работать в реанимации? Ошибаетесь. Чего только не пришлось испытать Жабатулиной на этом поприще. Как начнешь вспоминать, волосы дыбом встают. Кстати, сейчас тоже волосы дыбом стоят, но слава богу не от этих воспоминаний, а от лака для волос, пора и голову помыть, перхоти стало навалом, хорошо, под колпаком на пятиминутке не видно. Остальные колпачки не носят, откуда у них столько времени на себя, на парикмахерскую, на бассейн и тренажерный зал, везет же им с мужьями,

покупают им машины. Да и сами они неплохо зарабатывают с родовых сертификатов. То, что другие могут позволить себе жить достойно, Жабатулиной не нравилось, она таких терпеть не могла.

Глава четвертая. Гасткурьеры

Сотрудники Управления ФСКН по Н-ской области провели спецоперацию по задержанию членов наркогруппировки. Оперативники изъяли у задержанных 7,5 кг героина.

«Первым во дворе дома на улице Пролетарская по подозрению в перевозке героина в особо крупном размере был задержан сорокалетний уроженец Азербайджана, управляющий автомобилем ВАЗ-21140. В результате обследования машины между водительскими сидением и дверью был найден пакет героина массой в 1 кг. После этого на пересечении улиц Баумана, Космонавтов и Машиностроителей оперативники задержали автомобиль «Тойота-Харриер» за рулем которого также находился уроженец Азербайджана пятидесяти четырех лет, у которого было изъято 4,3 кг героина. В ходе обследования капитального гаража, находящегося во временном пользовании задержанного, оперативники нашли еще 4 пакета с героином общей массой 2,2 килограмма», – рассказали в пресс-службе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.